

Без гипнозов

Умерла Лидия Яковлевна Гинзбург. Ей было восемьдесят семь лет.

Мне кажется, она была самым умным человеком в этой стране.

Со времени смерти Бахтина русская филология не знала таких потерь. Последняя из ОПОЯЗа, последняя из формалистов, последняя — и любимая — ученица Тынянова, Эйхенбаума, любимая собеседница Ахматовой. Одна из последних, видевших живыми Гумилева и Блока. Мандельштам и Пастернак прислушивались к ее оценкам и бесконечно уважали ее. Заболоцкий дарил ей шуточные стихи. Ее роль в теперешней литературе — прежде всего ленинградской — сопоставима разве с ахматовской: литературный процесс шел В ЕЕ ПРИСУТСТВИИ. Это само по себе сообщало ему иную высоту и меру. Лидия Гинзбург большую часть своей жизни вынуждена была заниматься не столько тем, что ее действительно интересовало, сколько совершенно чуждыми ей темами. Она публиковалась скупно. Истинный масштаб ее личности — филолога, философа, прозаика — стал ясен лишь в последние годы. Ее реализация свершалась втайне. «Я молодой прозаик», — иронизировала она, выпустив последнюю книгу — «Человек за письменным столом», куда впервые вошли ее «повествования», собранные воедино. Шкловский сказал ей однажды, что в старости она наконец разольется и напишет всю правду о людях. Она умела видеть то, что для менее пристального взгляда неразлично, а для более слабой воли невыносимо. Она же обладала уникальным сочетанием зоркости и воли: увидеть и не отвернуться в ужасе. Лишь раз прорвалось у нее: если вдуматься, все так ужасно, что нужен Бог. Но видя весь ужас жизни, весь невыносимый трагизм обреченного на гибель бытия, всю жалкость людской природы, она ни на секунду не утратила веры в человеческий разум — неусыпный, неостановимый, недоступный страху и пристрастности. Она прошла со своим светочем по самым темным лабиринтам подсознания, она подошла и к смерти (в «Мысли, описавшей круг»), она обо всем, кажется, успела подумать, чтобы ска-

зать нам: «Не бойтесь — я здесь уже была». И пока она присутствовала здесь, рядом с нами, в этом мире, пока работал ее могучий разум и появлялись крошечные, но неповторимо плотные эссе — жить было не так страшно, ибо мир и человек получали в ее работах рациональное объяснение. Она не страшилась сказать о человеке последнюю правду — потому и ее «Записки блокадного человека» с их почти биологическим реализмом остаются самым страшным, на мой взгляд, что написано о блокаде. Она была уникальным мыслителем.

...Ей принято было дарить маленьких сов, у нее был перстень с совой. У нее была медлительная, четкая, афористическая речь, лапидарные формулировки, она работала ежедневно и непрерывно. Никто не верил, что это конец, — все надеялись, что выберется, потому что ее запаса прочности хватило бы на многие жизни.

Лидия Гинзбург не боялась ничего. У нее была тяжкая жизнь в безумной стране и одинокая старость, но была и ее работа, была невероятная, непредставимая мудрость. «Я жила без гипнозов», — сказала она как-то. Она научила своего читателя свободе от множества страхов и обманов. Она победила не только ужас жизни, но и — насколько возможно — ужас смерти.

Она оставила утешение:

«Мысль же о вечном, даже бесконечно долгом существовании в земных условиях, если всмотреться в нее, — нестерпима»...

Она оставила завещание:

«Пусть человек говорит: зачем жить, если я умру? зачем любить и трудиться, если содержание неизвестно? — он задает бесполезные вопросы и высказывает сомнения, которые не могут отразиться на практике. Что бы человек ни думал и ни говорил по этому поводу, он все равно будет любить, потому что любовь входит, не спросясь; будет трудиться, потому что творческая способность принуждает, как закон, и мучит, как совесть».

Дмитрий Быков.

Собрание мик. — 1990. — № 30. — с. 11